

Выход силой

Три рассказа и одна пьеса

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

В цикле "Ученическая тетрадь"

Сергей Овчинников

**Выход силой. Три рассказа
и одна пьеса. В цикле
«Ученическая тетрадь»**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Овчинников С.

Выход силой. Три рассказа и одна пьеса. В цикле «Ученическая тетрадь» / С. Овчинников — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-95422-9

Сборник рассказов, написанных автором во время обучения на писательских курсах. По большей части это творческие задания, которые впоследствии были переосмыслены, дополнены и дописаны. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-95422-9

© Овчинников С., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Памятник	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Овчинников

Выход силой. Три рассказа и одна пьеса. В цикле "Ученическая тетрадь"

Памятник

В машине нас ехало трое. Хотя нет – я тот раз пропустил. Попутал – рассказывали, как водится, в красках – будто сам прокатился. Третий – водитель. Вот он как раз повернулся – что-то говорит. Фикса золотая сверкнула. Кепка на затылок съехала. Из-под козырька вырвался смоляной жестко скрученный клочок волос, едва тронутый сединой.

– Эх, где же шашка твоя, казак!? – Это Аркадий. Не произнёс, но подумал. На коня свой взгляд пыливый он не обратил. Ну приятели мои оба не автомобилисты только и деталей припомнили, что, шестерка, выдавшая виды, но ухоженная. Моё уже воображение дорисовало несколько слоёв краски, надёжно скрывающих год рождения. В салоне чехлы из надраенного до блеска кожзама, мигающая разноцветными огнями магнитола – мечта колхозника. Жесточайший дезодорант с голым по пояс президентом вместо кондиционера.

Всё, что простиралось за окном, являло собой избыточно ровную поверхность, если не плоскость. Воспеть её тут некому! Друзья мои не художники – за окном вообще ничего не увидели. Это я уже для заднего плана нафантазировал. К слову, из окна автомобиля всё это невесёлое и плоское вытягивалось в несколько параллельных, почти одноцветных. Из окна шестерки, спасибо подвеске, линии смотрелись чуть более волнистыми, но все равно никак не волнительными. Меня, признаться, эти унылые горизонты никогда не вдохновляли. Так что лазеревого лиризма здесь читатель не дождется. Поэтому оставим просто: За окном со времен Тихого Дона, а то и с более давних, лежала, бежала, стелилась всё та же вечная степь. Изредка пересекали её тонкие темные нитки рек и речек, до главной же добраться ещё предстояло.

Договорились, что остановятся у памятника Мелехову¹ на ритуальную фотосессию.

Пассажиры наши, как от самого аэропорта пристроились на заднем сиденье, так и не пересаживались. Аркадий вполне естественно для себя избегал лишних движений, а Алексея манера езды откровенно пугала. Впрочем, он всегда был трусоват, а сзади казалось безопаснее. При этом самый подвижный из нас, замеченный почти во всех видах спорта, худощавый и мускулистый – по сравнению с Аркадием смотрелся так вообще фитнес-тренером. Впереди, рядом с водителем сначала сидела, подобравшись, будто боясь испачкаться, весьма строгая дама, прилетевшая, похоже, тем же Московским рейсом. Чувствовалось, что они с Григорием – так звали нашего казака – знакомы, и он где-то даже её побаивается. Почти не разговаривали. Если не считать пары укоризненных вопросов про некоего Владимира: где, когда видел. Отвечал казак нехотя и односложно. Зато, как только спутница сошла, будто выдохнул и уже не умолкал.

Набравшись откуда-то неожиданной пронизательности, нарушил молчание Алексей:

---

¹ Подразумевается "Памятник казакам Тихого Дона – скульптурная композиция, расположенная на 120 км трассы Р271 Миллерово – Вёшенская"

– Неужели теща? – кивнул в сторону удаляющейся фигуры на обочине.

– Ага, – оживился водитель, – только кума моего. В столицах проживает – не может Вовчику простить, что Ленку обратно домой увёз. Вынюхивает, бабы везде мерещатся.

– Ну да, следака косплеит² дамочка. – Поддакнул Алексей. Вот за этот подростковый сленг, да за стиль в одежде мы его с некоторых пор иронично называли Алёша. Само собой, Григорий, водитель, не понял бы. А Лёха и в голову не брал, ему было по обыкновению плевать – такой вот юноша в свои сорок с небольшим. Но, похоже, водитель расслышал только «следака», так что гоготнули они вполне синхронно.

Сделав пару традиционных фото с главным казаком Тихого Дона, вернулись на маршрут, оставалось совсем чуть-чуть.

– А вообще здесь раньше другой памятник стоял. – Григорий опять повернулся, облокотился на спинки передних кресел и махнул левой рукой, отпустив на мгновение руль. Машина вильнула в сторону. Алексей, рядом с подчеркнуто флегматичным Аркадием, заметно побелел и вцепился в сиденье. Аркаша тем временем нарочито медленно повернул голову в направлении, куда показывал Григорий. Тот ухмыльнулся, выравнивая авто. Издевательски подмигнул Алексею и проворчал что-то неразборчивым матерком, удовлетворенно разглаживая усы.

– Кому? – Это Аркадий подал голос, что само по себе звучало невероятно.

– Памятник-то? Да что-то: Казакам Первой конной – написали.

– Ого! Серьезная скульптурная группа, надо думать – я почти увидел, как в глазах его вспыхнул азартный огонек. Аркадий всем своим природным и приобретенным сарказмом зацепился за знакомую тему – так сказать, конька своего, нащупал уже стремяна. – Две-три тысячи сабель. И это только 8-я кавдивизия червоного казачества... – Он, словно тот казак, пулей взлетел над холкой любимого скакуна, а теперь неторопливо выбирал поводья.

Да он же, к слову, нас и подбил – вроде на пикник – махнуть в Вёшенскую. В музей писателя, говорит, сходим – в культ-программе галочку поставим, а с рыбой на Дону нехватки до сих пор не знают.

– Ну мой-то прадед в Донармии рубил твоих буденновцев. Там небось поболее казачков воевало. – Григорий, прищурившись одним глазом, недобро глянул на Аркадия сквозь зеркало заднего вида.

Аркадий не поддался наметившемуся антагонизму и спокойно продолжил:

– «Поболее» – неточное слово – кратно! Свыше двадцати пяти тысяч конников одних...

Григорий между тем кивал, криво усмехаясь:

– Ага, ага...

– Но только до 1920-го года, в котором Донская армия прекратила своё существование. Те, кого не расстреляли, пополнили ряды РККА. Многие казаки смогли испытать понятие «Гражданская война» лично на себе, повоевав с обеих сторон.

– О, Исакыч погнал википедию – Алексей заёрзал – понятно, чтобы участвовать в разговоре, нужна позиция – своя и конкретная – хоть какая-то. А её катастрофически не существовало. Или наговариваю, имелась позиция – сменить тему. Но Аркадия быстро не унять:

– Так в здешних краях станицы из рук в руки по несколько раз переходили – от красных к белым, обратно, к швали всякой промежуточной. И руки эти мало чем отличались, иной раз родные братья оказывались по разные стороны – сценарий повторялся с насмерть пугающей точностью: прошлое начальство – в расход, грабежи, мародерство – весь комплект.

---

² "Косплэй (м., скл., яп. #### косупурэ, сокр. от англ. costume play – «костюмированная игра») – переодевание в костюмы известных персонажей и изготовление таких костюмов. Популярное хобби, сродни маскараду."

Григорий поскущел и уставился на дорогу. Повисла тягостная пауза, по форме напоминавшая вопросительный знак. Алексей улучил возможность вставить слово и уже почти заикнулся узнать о дальнейшей судьбе прадеда, но увидел прямо перед собой интеллигентный, небольшого размера, кулак Аркадия.

– Мой к Врангелю ушёл, так что ещё покуражился... Недолго... На «Живом»³ потонул. Но может и не совсем зря – бабка-то в Евпатории родилась. – Будто отряхнувшись от невеселых мыслей, наш казак опять глядел почти также браво и только, что не подмигивал пассажирам.

– Ну да, эвакуация – пробормотал Аркадий.

«Исакыч» – не отчество никакое, так – дружеский шарж. Это я Аркадию, кстати, приклеил. Несколько лет назад приперся он на костюмированную вечеринку в пенсне и френче. Образ сложился вполне гармоничный, надо сказать. Одна экзальтированная поклонница из его немногочисленной армии заявила даже, что напоминает он ей в этом прикиде, ни много ни мало – Исаака Бабеля. Ну похож и похож. Так он же начал пыжиться и соответствовать по-своему. Как там Алёша чуть выше слово заворачивал – не помню – подражать, в общем. Имейлы от него теперь стали приходить «с тов. приветом» вместо обычного «best regards» и тэдэ и тэпэ. Исторический период изучил – местами, так очень прилично. Ну и временами его замыкало на новом увлечении, и он начинал «гнать» – мог не к месту «Одесские рассказы» цитировать или, вон как сейчас, про Гражданскую грузить. Сам себе конечно нравился безумно, в эти минуты. И, похоже, не только себе. Армия поклонниц пополнилась, точно Красная пленными казаками – это стало слишком очевидным, чтобы отрицать. Вот я и аккумулировал нашу с Алёшей иронию в этом прозвище. И зависть ещё. Да и ревность, наверное. Всё-таки Бабеля я всегда считал своим любимым писателем, а Аркаша меня от этой любви теперь как бы отодвинул. Хотя, он и на самом деле похож!

– Куда же казачков дели? – Алёше не терпелось вернуть себе привычную центральную роль в разговоре.

– Из Крыма-то? Так на корабли погрузили... – Начал Аркадий

– Уймись, Исакыч! Памятник куда убрали?

– Да там всего один и если бы казак ещё... – Григорий закурил.

– Будёновка помешала значит? – так я и не понял, кто это сказал, но по приметам – мои парни.

– В девяностых власть же переменилась – Он старался выдохнуть дым в окно, но назад все равно задувало. Алёша притворно закашлялся, будто от табачного дыма:

– Хотел сказать: «наконец-то»? Гриш, не слышу радости в голосе. – Пришла очередь Алексея зубоскалить.

– Ух ты, страх потерял? – Григорий сделал движение, словно собирался бросить перетянутый дермантином руль.

– Руки на руль, контра! – Истошно завопил Алексей, и старенькие жигули взорвало общим, неожиданно дружным, хохотом. Григорий басовито гоготал, однако держа руль обеими руками. Аркадий беззвучно тряся, то и дело вытирая слёзы. Звонко и залиvisto похохатывал Алёша.

– Да уж – всхлипывал Григорий – Заверещал показательно... «Контра» ... Мститель наш, неуловимый.

Резонанс наступил.

Алёша уже нашёл в сети фото и сунул под нос Григорию:

– Ну да. Он.

---

³ Во время крымской эвакуации 1920 года эсминец «Живой», потерявший ход и взятый на буксир, затонул в результате шторма.

Конник сидел верхом на вздыбленном коне в профиль, натянув поводья одной рукой и развернув на зрителя неестественно широкие плечи, лицом получался уже анфас. Правая рука опиралась на рукоять сабли.

– Понятно. Красный богатырь – Алексея тема откровенно не сильно трогала.

– Шинели нет, летняя форма – ну это Исакыч, ясное дело, ввернул. – Отвезли может куда?

– А бес его... Срезали, говорят... Может бульдозером... Вроде насовсем.

– Да, червонный казачок, никто за тебя, видать, не вступился – вздохнул Аркадий.

– Сыскалась заступница – покосился на него через зеркало Григорий – Да жидковата оказалась супротив упырей при погонах. Слухи ходили, новому фээсбэшному назначенцу в области прям поперек горла этот монумент встал.

– А отважная женщина?

– Ксюха-то – одноклассница моя – в Вёшенской, кстати, в музее смотрителем.

– О! Григорий и Аксинья? – Повернулся Алёша, почуяв игривый контекст.

Тут мы, то есть Аркадий с Алексеем, на мгновение увидели широкую казацкую улыбку – во весь ровный ряд желтых прокуренных зубов:

– Не Аксинья – Ксения – тепло так проговорил – Она по Витьке Рябому сохла. – усмехнулся – Вот жизнь. Ему и писала потом, чтобы буденновца не трогали – он как раз главой района тогда заступил.

– Не ответил, выходит, он ей взаимностью. Да, дядь Гриш?

– Что ты? По малолетству жгли, степь аж гудела и стонала – какая любовь промеж них случилась... Верхом-то у нас тут многие до сих пор приучены. Но эти двое всем фору давали. Ксюха, известно, Витьку уделывала всякими дедовскими Ермаковскими приёмчиками. Виктор-то не из казацкой семьи, приезжий... Да вот только кончилось всё у них враз... Застукала она его, чего уж, бывает по молодости-то... Только не простила, не смогла. Да нет, он бы и рад был помочь потом с памятником. Но куда ему? Резников этот, фээсбэшник, больно круто запрягал – бандюкам даже вздрюч устроил, сам и стал тут бандитом, поглавней прочих. Уехал через год в Москву обратно, но людей положил – шахиды позавидуют.

– Гордая равно несчастная? – подросток наш твердо держался максималистских позиций.

– Гордая – не гордая, но мстительная – факт. Виктора из партии чуть не скovyрнула, хотя имелось за что. Она тогда в колхозе парторгом вызвездилась.

– Погоди-ка. Музей в Вёшенской – это такой карьерный взлет, да?

– Ой, глумлив ты. В простоте спросить гонор не даёт? – Григорий досадливо отвернулся – После писем тех за памятник карьера-то у ней и оборвалась.

– А хахаль ёйный руководящий что ж? – Хотели «в простоте» – получите – Алёшин месседж кричал и провоцировал. Ещё пара таких подковырок и Григорий его порвёт, чего доброго.

– Витька не слабак, только втрескался крепко, видать. Женился потом, двух сыновей нажил, развелся. До сих пор Ксюшу любит, наезжает. Ни слова от неё, говорит, за двадцать с лишним лет! Видимся иной раз – вожу его, пока шофер в отпуску.

– А она?

– Одна. – Поджал губы. – Ну всё, приехали. На площади сейчас крутанусь и вылазьте. Аркадий церемонно начал раскланиваться:

– Спасибо вам, Григорий за нескучную доставку. Теперь хоть за роман садись.

– О, а ты шож, писатель? – Аркадий скромно потупился и не ответил.

А мог бы ведь честно признаться: да, мол, и довольно известный, член союза писателей СССР – Бабель Исаак Эммануилович, расстрелян в сороковом. Вот бы у Гриши физиономия вытянулась.

Мы ведь сокурсники, окончили весьма именитый технический вуз. По специальности, правда, никто потом работать не стал. Алёша, например, продаёт авиационные агрегаты. Говорят, «продажник от бога» – гримаса эпохи, Господи прости. Аркадий в большом холдинге трудится. Должность его по какой-то верхней иронии называется «технический писатель». Ну а я себя мню писателем настоящим. Вот допишу этот рассказ и смогу уже с полным правом заказывать визитки. А технический – тот, который инструкции пишет, бизнес процессы человеческим языком описывает и т.п. – обеспечивает коммуникации живого с неживым и искусственным. Вот, а после этого диалога с Григорием закралось у меня сомненьице. Не пописывает ли наш ролевик кое-что кроме инструкций своих. Он же, зараза, нем, о чём ни спроси. Говорит исключительно, когда самому большая нужда приспичит. Памятуя творческий концепт тов. Бабеля, начинаешь невольно проецировать. Быть может он уже не тот, что прежде – «технический», просто ему, как и обожаемому кумиру, необходимо «несколько лет молчать, для того чтобы потом разразиться». Ждём теперь, пока сундук свой распечатает.

Алексей достал портмоне, и Аркадий будто спохватился:

– Пойдите, Григорий. А почему же именно она? В смысле, пыталась памятник сохранить?

Гриша, похоже, кого-то увидел и вдруг заторопился:

– Всё, больше не могу. Сами у неё спросите... Там фотка на стене... Может расскажет...

– Мои выгрузились на раскаленную площадь станицы.

– Телефончик оставь, дядь Гриш! Может обратно поедет или опять на экскурсию. –

Алексей, зажмурив один глаз на ярком солнце, весело скалился.

– А то как же! Держи – и протянул клочок бумажки. Визитка!

Аркадий вертел её в руках, рассматривая.

– Да обычная казацкая визитка, пойдём уже – тащил его за локоть Алексей.

Жигули стремительно покинули площадь, оставив недавних пассажиров в облаке пыли.

Пыль осела, и они увидели богатыря. Богатырь немного запыхался:

– Фуф. Это Гришка был? Его же машина! – Здоровяк, казалось, ещё и растерялся.

– Да. – Неуверенно протянул Аркадий, медленно запрокидывая голову, чтобы заглянуть незнакомцу в глаза

– Чего ж он сорвался, я ж ему махал? – Они пожали плечами.

– Не знаете, подвозил он Ленкину..? Городского вида такая...

Аркадий собирался уже что-то ответить, но Алексей опередил:

– Врать не будем, мил человек, не знаем!

– Видал? – Алексей кивнул на удаляющегося бугая, когда они остались с Аркадием вдвоём. – Херасе, Вовчик! За таким из Москвы хоть на край света. Ленку можно понять. Да?

– Эх, молодёжь, – деланно проворчал Аркадий, – всё бы вам на женатых мужчин заглядываться. Что? Не стал дядю Гришу выдавать?

– Да мало ли. Не зря же он так экстренно соскочил.

Музеев оказалось несколько, и в каком мои следопыты обнаружили ту самую Ксению, в их сбивчивом рассказе растворилось, или может я сам упустил. Но случилось. Видимо, суждено.

Тускло освещенное помещение. Концентрированный музейный запах. По выражению Алёши – пахло единицами хранения.

Клинок завораживал. В полутемном зале он слишком выделялся на фоне прочих бытовых экспонатов. Вся поверхность его была испещрена бесчисленными отметинами – покруп-

нее да помельче. Казалось, весь боевой путь отразился, точно в зеркале, и оставалось только гадать, в каких горячих передрягах побывало это холодное на вид оружие. Алексей поневоле увлекся и завис.

– Гляди, – кивнул подошедшему Аркадию, – сабелька примечательная!

– Это пашка. – Невозмутимо рубанул тот.

Алёшу аж перекошило:

– С чего бы?

– Хотя бы с того, что у неё отсутствует гарда. – Это уже произнесла обладательница звонкого, прямо девчоночьего, голоса, которая неслышно возникла и возвышалась теперь над Аркадием стройной фигурой в чем-то темном и длинном. Эдакий дементор, но обворожительный, несмотря на возраст. А вот голос безжалостное время будто пощадило. На бэйджике значилось: Ермакова К.В.

«Уставились», наверное, самое корректное слово, чтобы обозначить последовавшую паузу. Ксения Васильевна грацией и статью так и будила в памяти волнительные образы Шолоховских героинь. Парни мои уже подсознательно и, не признаваясь, кусали локти, что не довелось пересечься лет на двадцать пораньше. А я в первый раз пожалел, что пропустил поездку.

– Издалека к нам? – Роль гостеприимной хозяйки ей определено не шла.

– Из Москвы.

– Ну, осмотрелись? Что же вам ещё показать?

– Да мы вроде всё уже изучили – медленно, собираясь с мыслями, проговорил Алексей

– Вопрос у нас есть – не знаем, как удобнее спросить.

– Смелее, молодой человек. – Мне бы вот уже стало неудобно на месте Алексея

Ему, наверное, тоже:

– За молодого человека, конечно, отдельное спасибо. – Разговор с Ксенией уверенно заходил в бесперспективное русло. – Вы тоже восхитительно выглядите.

– Благодарю, у нас на Дону воздух – почувствовали, наверное. Мне следует спросить, сколько вам на самом деле лет?

– Сорок два.

– Что ж, надо признать: вы прекрасно сохранились.

– Благодарствуйте. У нас в Москве пища богата консервантами.

Вдруг поняв, что вязнет в бессмысленной пикировке, Алексей решил двигать напрямик:

– Памятник. Который снесли. Нам сказали, вы единственная, кто пытался его сохранить.

– Кто же сказал? Гришка?

– Поразительно! С первого раза угадали!

– Да не сложно.

– Но почему?

– Почему всем было наплевать или почему я дергалась? – Поджав губы, он жгла Алексея исподлобья, так что Аркадий старался даже в её сторону не смотреть.

– Ну про остальных мне более-менее понятно всё. – Хмыкнул Алексей. – Свою историю расскажете?

Ксения грустно улыбнулась уголками губ и с шумный вздохом развернулась приглашая нас последовать:

– Да вот же она смотрите.

В углу, на стене, в простенькой рамке висела та самая фотография, но не совсем. Знакомый ракурс, разворот плеч, прямой взгляд, унаследованный в точности.

Аркадий с Алексеем переглянулись и опять уставились на хозяйку вопросительно.

– Василий Ермаков. Восьмая кавалерийская дивизия червонного казачества. Первая конная армия Семена Михайловича Буденного. – звонко доложила, уже не как экскурсовод.

– Когда приехали место под памятник смотреть, карточку увидели и всё само собой решилось. – Вздохнула. – Ну а когда в девяностых начали Мелеховский устанавливать, буденновец мой стал неудобен, значит. Но, может, и устоял бы если б не этот особист из Москвы.

– Резников? – перебил дотошный Аркадий.

– Да, Резник, большой оказался "почитатель творчества" Михаила Александровича. Та ещё мразь.

Помолчали.

– Так вот просто взяли и снесли? – уже на выходе спросил Алексей.

– Написали: в аварийном состоянии.

И тут Алёша выдал! За ним и раньше водилось – способный, чего уж, мальчик. Однако, всякий раз расползался, что называется. Вот и сейчас:

– Ксения Васильевна, – ни с того ни с сего начал Алексей, – а меня ведь любимая девушка предала. – Говорил он медленно, нажимая на первые буквы, как бы заикаясь слегка.

Ермакова просверлила его недоуменным взглядом, но промолчала, вроде ждала продолжения. Ну да, а что вы хотели, чтобы она ему подмигнула, мол, добро пожаловать в клуб?

– Изменила с лучшим другом, можно сказать... Лет десять уже как... А забыть её не могу! И простить не могу!

Никто опять не решился нарушить трагический монолог, и Алексей уже в полный рост подминал мизансцену:

– Мы вот посмотрим все эти свидетельства... – Он порывисто приобнял одной рукой Аркадия, видимо, в качестве иллюстрации «мы», от чего тот невольно вздрогнул.

– А между тем, доходит до нас самый главный, самый пронзительный ужас войны? Это ведь не смерть, как таковая! К смертям увы привыкают, и они уже не кажутся столь ужасными. Куда ужаснее упущенные минуты жизни! Сегодня ты мог поговорить с человеком, сказать о любви своей – признаться, или прощения попросить, а может наоборот – дать всего лишь возможность попросить прощения... И да, простить! Но не сделал из-за какой-то своей обиженной, ущемленной – мелкой по сути, но раздутой так, что она, мать его, солнце заслоняет... – Он постучал себя в область грудной клетки и в глазах блеснуло влажным – Гордыни – выдохнул сорвавшимся вдруг голосом. А завтра – бац – нет человека – война! И с чем тебе жить нехилый остаток твоей никчемной жизни? – С гордыней?.. – Алёша по-детски всхлипнул и замолчал.

Ни один мускул не дрогнул на строгом лице К.В. Ермаковой – Аркадию верю, он к деталям очень внимателен. Ни слова. Не покривил, похоже, дядя Гриша против правды.

– Прикинь, а под конец натурально заплакал – Аркадий мне пересказывал, от удивления похоже забыв, что междометий сих не могло присутствовать в лексиконе тов. Бабея.

– Может мы про Алексея Георгиевича чего-то не знаем? – Я или произнес, или подумал всего лишь – не помню, поскольку Аркадий по обыкновению не ответил.

Вынырнули на воздух – уже смеркалось. Алексей оглянулся. Провожать никто не вышел. В глубине темного окна, в углу, где висела фотография Ермакова старшего, заметил сгорбившуюся, но всё ещё очень стройную высокую фигуру. И вроде бы даже плечи у неё так и ходили. Хотя я думаю, Лёха прихвастнул.

Аркадий пристально и по обыкновению молча глядел на Алексея, без следов недавней драмы и слёз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.